

Игорь Шестков "Литовский коридор"

ЛИТОВСКИЙ КОРИДОР

В августе 1991 года послепутчевая Россия признала независимость Литвы. В сентябре того же года Литву приняли в ООН. Я решил это использовать и съездить в Москву через литовский коридор.

Вы спросите, почему через Литву, что за выкрутасы? Купил бы себе нормальный железнодорожный билет и покатил бы на родину как все, по камешкам. А еще лучше – самолетом. Два часа – и ты дома, назло датчанам и прочим шведам. Выгодно-удобно!

Не все так просто, господа.

Благодаря добренькому генсеку Горбачеву я приехал в доживающую свои последние деньки ГДР в незабываемом 1990 году без загранпаспорта, «по вкладышу». Двоюродный брат моей свояченицы Эрик прислал мне с оказией приглашение из Котбуса. Я отнес его в брежневский ОВИР. После необходимой беготни и трех недель ожидания мне нехотя выдали заветный вкладыш. С ним я и поехал в ГДР. Через Польшу. Эта маленькая зеленая бумажка с фотографией была моим единственным международным документом. Действителен вкладыш был три недели.

И вот, недели эти давно пролетели, целый год прошел, а я в Совдеп не вернулся и вкладыш этот паршивый потерял. Вместе с приглашением.

Хорошо еще, что немцы выдали мне серенький паспорт беженца. В нем однако стояла недвусмысленная надпись-приговор: НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ТЕРРИТОРИИ СССР.

Что же делать? Как повидать маму и оставшихся в Москве милых друзей, как проверить, все ли в порядке в нашей квартире? Сестра писала мне, что туда регулярно навещается наш участковый Полкан. Что ему надо? Пронюхал, что хозяйева уехали и хочет квартирку отобрать? Это ОНИ умеют...

Что же мне теперь – тащиться в русское консульство и объявлять там, что стал невозвращенцем? Хмм...

Статья 64 Уголовного кодекса РСФСР от 1960 года гласила: «Измена Родине, то есть... бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР... – наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества... или смертной казнью...»

Да-да, вы правы, тогда уже никого ВРОДЕ БЫ за невозвращенство не расстреливали и на пятнадцать лет не сажали. Но для меня ОНИ, возможно, сделали бы исключение. Кто ИХ знает? Это ведь НЕ люди.

Через много лет я спросил в Лейпциге российского консула с кошачьей фамилией, что бы ответили мне в сентябре 1991 года в консульстве, если бы я туда приперся и заявил, что хочу съездить в Москву. Презрительно скривив губы, консул промяукал: Вам выдали бы специальный документ для одноразового перехода границы из Германии в Польшу и далее в Россию. А в Москве оштрафовали бы, а если бы вы попробовали официально оформить документы на ПМЖ в Германии – затаскали бы по полной программе. Так что семью свою, оставшуюся в Германии, вы бы вряд ли увидели в ближайшие годы. Правильно я сделал, что в консульство не пошел. От всех российских посольств, консульств, представительств, от русских фирм, от всяческих «Русских домов» несет тем же, чем и от Кремля – подлостью, гнилью и смертью. Презрением к человеку.

Выбора у меня не было – посетить Москву я мог только через литовский коридор. Из Германии – в Польшу. Оттуда – через КПП недалеко от Сувалок в Литву. В Каунасе я намеревался сесть на поезд Калининград-Москва и как ни в чем не бывало прибыть на Белорусский вокзал. А если меня в этом поезде попросят паспорт показать – не цыпленок жареный чай – спрячу немецкую ксиву поглубже во внутренний карман, а из широких штанин вытащу и предъявлю мой внутренний краснокожий паспорт СССР и скажу: Так и так, мол, пил минеральную воду в Друскениках, лечил гастрит, заработанный на стройках прошедших пятилеток, теперь еду домой, что, нельзя?

Для начала я съездил в Бонн и купил там у литовского консула в великолепном бежевом костюме с маленьким желто-зелено-красным кружочком на галстуке визу на два года. Костюм встретил меня как дорогого гостя. Предложил кофе. Говорил со мной на хорошем инязовском немецком. Даже не спросил, что я

собираюсь два года делать в Вильнюсе. Не предостерег....

Затем отправился в польское посольство в Берлин. Там пришлось часочка два постоять в очереди. И нахамили мне братья славяне, и унизили, говорили со мной почему-то только по-польски, пшекая и пшикая до пузырей изо рта, и денег содрали в два раза больше, чем независимые литовцы, но визу многократно все-таки открыли.

И вот, простился я с женой и дочурками, сел на поезд и покатил в Варшаву. Через Дрезден, недалеко от главного вокзала которого еще возвышались могучий Ильич с красноармейцем и рабочим из серо-розового камня, изрядно обкаканные голубями. Снести памятник бывшие самые верные друзья СССР еще не решались, а тратить деньги на его очистку от птичьих экскрементов уже не хотели.

Германия, по мере приближения к восточной границе, как бы теряла в плотности. Цивилизация уступала место степи, лесу, болоту и соответствующим им людям. Тогда меня это еще удручало.

Я перестал смотреть в окно и начал разглядывать моих соседей по купе – кочующих по Европе студентов.

Милые и беззаботные как феи девушки беседовали о выставке цветов в Ганновере, хихикали, весело переглядывались и не сильно били друг друга какими-то прозрачными стерженьками с колечками и пестрыми ленточками. Волшебными палочками?

Молодые люди со знанием дела рассуждали о преимуществах Боинга перед Аэробусом. Похохатывали басом. Был среди них и один израильтянин.

Породистый горбоносый парень с удивительной каштановой шевелюрой, в оранжевой куртке, поблескивающей значками, и зеленых джинсах с вышивками, с серебряными серьгами-магиндовидами в ушах. Он сидел рядом со мной.

Я задал ему вопрос, который терзал меня с тех пор как я в стародавние советские времена получил в подарок от одного отказника красочный буклет на английском «Израиль сегодня».

– Почему израильтяне не строят себе новый Храм на Храмовой горе, а оплакивают у ее подножья разрушение старого? Неужели действительно мессию ждут?

Шевелюра ответила мне подчеркнуто грубо: Кому нужен этот грёбанный Храм? Я растерялся. Не знал, что сказать, потому что всегда полагал, что Израиль – это убежище для людей иудейского вероисповедания, а разрушенный римлянами Храм на горе Мориа – это сердце иудаизма, единственный на свете Храм еврейского Бога....

– Как это, кому нужен? Ортодоксам, поселенцам, всем вообще евреям...

– Вот пусть ортодоксы и поселенцы и строят эту скотобойню, а всех остальных оставят в покое.

Проговорив это, горбоносый почему-то злобно посмотрел в мою сторону и демонстративно от меня отсел. И заговорил с приятелями о автогонках Гран-при в Португалии и Испании.

Вероятно, я нарушил какое-то общепринятое в Израиле табу.

...

Приехал в Варшаву.

В крохотном зарешеченном окошечке обменял сорок чистеньких немецких марок на пачку затрепанных золотых. Из здания вокзала выходить не стал, купил два пирожка с яйцами и рисом и бутылку желтенького местного лимонада, сел на мягкую лавку, обитую лоснящейся кожей, поел, попил, поскучал. А через час потащился на перрон, к поезду на Белосток. Багаж у меня был необременительный. Одна синяя спортивная сумка, а в ней – как у Венички в чемоданчике – гостинцы: пять банок растворимого кофе, четыре коробки печенья с изюмом, десять плиток шоколада Саротти различных сортов, шесть кульков пикантных орешков, штук двадцать безразмерных колготок и три баночки крема для рук.

Шмотки я взял с собой только самые необходимые, в московской моей квартире меня ожидал полный гардероб брошенных перед эмиграцией вещей. Брюки, рубашки, вязанные кофточки бабушкиной работы, ратиновое пальто, пошитое по протекции жены моего дяди в кремлевском ателье, гордость моей юности – щегольски приталенная замшевая куртка, последний крик моды начала семидесятых годов, которую у меня торговал один доцент из Кемерово за двести еще полновесных советских рублей – все еще лежали на пахнущих скипидаром полках или висели на плечиках в нашем трехстворчатом шкафу.

На рукаве пальто я прожег по пьяни сигаретой маленькую дырочку, а куртку замшевую... признаю... надо было доценту продать, она мне еще до отъезда уже лет десять как была мала, и цена приличная... Но я не продал. Назло. Потому что этот доцент был мне неприятен. Упрямый, мрачный, гонористый. С вечно нахмуренным бараньим лбом и злыми черными глазами. Казалось, он все время раздумывает о том, как именно его хотят уесть или охмурить окружающие.

...

Поезд на Белосток, оказалось, полон под завязку. Едва нашел местечко в душном купе. У давно не мытого окошка. Сумку на полку забросил. Напротив меня, так, чтобы ее видно было.

Когда поезд набрал скорость, из окна немилосердно задуло; я понял, почему это место не было занято, а соседи по купе, когда я сел, противненько хихикали.

Поляки. Иссохшие физиономии с заостренными курносими носами и неухоженными кустистыми бровями. Некоторые – с корзинками и мешками в руках. В корзинках кудахтали куры, кричали и гакали утки и гуси, дергались кролики, из мешков доносилось хрюканье поросят.

За окном унылый пейзаж. Полесье. Кустики, редкие леса, удивительно мелко, как лапша, нарезанные участки обрабатываемой земли. Лошадки, повозки. А домишки – ничего, не маленькие. Церкви бедные.

Километров за восемьдесят от Варшавы я заметил отходящую вправо однопутку, а над ней – оральные металлические ворота. Метрах в ста от нашей колеи однопутка заканчивалась. Разобрали за чем-то...

Тут меня как будто молот ударил в лоб – это же дорога на Треблинку!

Во рту сразу появился привкус железа. Перед глазами понеслось страшное кино...

Кроме меня ни один пассажир нашего купе не посмотрел ни на однопутку, ни на ржавые ворота в ад.

Я мысленно задал соседям вопрос: Неужели вы даже о Корчаке с его Домом сирот не вспоминаете? Ведь их тоже умертвили в Треблинке. Там убивали не только евреев и цыган, но и поляков. Загоняли до пятисот человек в камеру площадью в двадцать пять квадратных метров. Когда охранникам хотелось особенно жестоко измучить свои жертвы – они не пускали газ, а только

закрывали двери и уходили спать. Утром все были мертвы. Там мозжили головы младенцев о каменные стены, бросали живых детей и женщин в огонь. Там собака Барри откусывала у мужчин гениталии. А красавчик Франц, прозванный Лялькой (куклой) обожал пороть заключенных и убивать их выстрелом в глаз. Почему вы даже не посмотрели? Ну хоть глянули бы уныло или вздохнули бы. Сокрушились бы в себе или помолились, вы же христиане.

Вспомнилась статья в газете о «золотой лихорадке», начавшейся в послевоенные годы в районе Треблинки. Местные и приезжие, католики и православные и даже солдаты из близлежащей советской воинской части вырывали брошенные фашистами трупы и выдергивали у них гвоздодерами золотые коронки, незамеченные или недовыдернутые великой Германией. Старатели...

Всю дорогу до Белостока меня мучило жуткое видение: эсэсовец Курт Франц стрелял избитому худому старику-еврею в глаз, обольстительно улыбаясь. Еврей падал и бился в агонии, обливаясь кровью.

Не надо было читать свидетельства очевидцев, Гроссмана (о Треблинке – море гнева, а о Гулаге – ни словечка), фотографии жуткие в библиотеке смотреть! Любопытство – грех. Ты так устроен, что любая дрянь годами не выветривается из башки. Привяжется теперь этот изверг, влезет в душу как диббук, не прогонишь!

Я не знал тогда, что последний комендант Треблинки, садист и убийца Курт Франц был в то время еще жив. В 1993 году он был освобожден из тюрьмы, в которой отбывал пожизненное заключение. Умер в возрасте восьмидесяти четырех лет в доме престарелых в Вуппертале.

...

Приехали в Белосток.

Вышел на воздух. Купил что-то сладкое в буфете. Есть не смог. Выкинул.

Попытался не думать о ужасах, отогнать страшные мысли воспоминаниями о веселом фильме Мела Брукса «Продюсеры», главного героя которого звали Макс Бялысток. Его роль исполнил неподражаемый толстяк Зеро Мостел, с которым я часто себя идентифицировал.

Я вызывал Зеро как джина из бутылки в тех случаях, когда моя собственная машина оптимизма буксовала. Он являлся ко мне обычно в потрясающем

бардовом пальто, шелковом белом кашне, бархатном котелке, элегантных узких брюках, белых туфлях с гамашами и розовых кожаных перчатках. Зеро шутил, танцевал, подмигивал, напевал что-то фривольное, показывал мне забавные картинки и постепенно вытаскивал меня из черной ямы.

Но тогда, рядом с одноэтажным зданием вокзала в Белостоке, он почему-то появился в длинном темном пальто, в темной же шляпе, из под которой выглядывали седые пейсы, в нечистых сапогах. Мостел не стал рассказывать мне веселые истории, петь или танцевать, а стоял неподвижно рядом со мной и тягостно смотрел на мостовую. Вздыхал, покачивался и молился. Поднял на меня свои круглые карие глаза и сказал: На этой земле я ничего не могу для тебя сделать.

...

Поезд на север отошел через полчаса.

Пейзаж за окном изменился. Дорогу окружали густые темные леса, в их просветах открывались прекрасные виды на голубые озера.

Прибыл в Сувалки уставший и расслабленный. Треблинка засела где-то в коленях и посылала оттуда волны страха и тошноты. Курт Франц стрелял в глаз заключенному. Зеро больше не появлялся...

Вечерело.

Мне надо было во что бы то ни стало добраться до границы с Литвой до наступления полной темноты. Один леший знал, что на этом проклятом пограничном пункте творится ночью.

На вокзальной площади я заметил несколько помятых и грязных машин.

Стоянка такси. Обратился по-немецки к белобрысому парню лет двадцати пяти, шоферу: Довезете до границы?

Молчание. Потом спросил по-английски. Никакой реакции. По-польски я не умел, пришлось спросить по-русски. Шофер понял, встрепенулся и назвал цену – не помню уже сколько злотых. Торговаться я не стал. Поехали. Шофер всю дорогу объяснял мне, почему он, украинец из под Львова, живет в Сувалках (он был сутенером-любителем), убеждал меня никуда не ездить, а выбрать с его помощью себе по вкусу кохану, и не одну, и погостить недельку в окрестных деревнях...

– Попаритесь, расслабитесь, наебётесь всласть! У нас тут свобода, не то, что в большом городе...

Километра в двух от границы нас остановил польский пограничник.

– Дальше нельзя, стоп!

Шофер высадил меня, развернулся и тут же уехал, хотя я его просил подождать полчаса, на тот случай, если сразу станет ясно, что перейти границу мне не удастся.

Ясно, однако, ничего не стало.

На дороге, ведущей к КПП образовались две очереди из автомобилей. Длинная, километра в три с половиной цепь грузовиков и чуть покороче – колонна легковушек и автобусов.

Ожидающие таможенного и паспортного контроля туристы и челноки стояли, сидели кто на чем, бегали по нужде на соседние поля, жевали, пили, жестикулировали, хохотали... Мрачные и небритые шоферы грузовиков, осовевшие от бессоницы, курили и плевали под ноги. Лаяли собаки. Из многих машин доносилась музыка. Мне померещилось, что сквозь эту кокафонию пробивается погребальный колокольный звон. И мужские и женские лица казались мне в полутьме похожими на Ляльку.

На мою беду спросить о том, что, собственно, должен делать прибывший на границу без автомобиля, без велосипеда и без самоката турист с немецким паспортом беженца, желающий попасть в Литву по приобретенной в Бонне визе, было некого.

Обратиться мне следовало – ясное дело – к лицу официальному. Вокруг же меня сновали лица неофициальные, мающиеся от безделья, раздраженные бесконечным ожиданием.

А тут еще – для полного счастья – дождик начал накрапывать. Осенний, холодный. И туман по земле пополз...

Промокать мне очень не хотелось, отитные и ангинные страдания школьной поры еще не до конца выветрились из памяти. Я сунулся было в советского вида автобус с непонятными тетками. Влез, глупо улыбнулся и спросил аудиторию по-немецки, можно ли мне занять у них место и подождать, пока очередь подойдет, а затем вместе с ними пересечь границу. Ко мне тут же подскочил

неприятный «руководитель» или «сопровождающий» и начал на искаженном русском языке (это был белорусский) объяснять, что они меня взять с собой никак не могут, потому что мест нет. Я показал ему рукой на пустую заднюю половину автобуса, заваленную узлами и чемоданами. Руководитель выпалил вдруг на чисто русском языке: Нельзя, не положено! А если кто сообщит куда следует? Это провокация!

А затем понес уже совершеннейшую дичь: Покиньте автобус, мистер, пошел вон, херр ты германский, давай, уходи, у меня делегация, непроверенные кадры...

Я из автобуса вышел. Удивительно, мне показалось, что в глазах теток-пассажирок промелькнуло что-то вроде сочувствия ко мне и ненависти к сопровождающему. В глазах-то промелькнуло, но сказать что-то в мою защиту ни у кого из них мужества не хватило.

После этой неудачи я растерялся. Стоял как ежик в тумане под серо-желтым разлохмаченным небом, поливающим меня водой, рядом с бесконечной цепочкой недобро рычащих автомобилей, всем чужой, мокрый, отравленный неочищенными выхлопами...

Тут я заметил группу из трех польских пограничников в комичных фуражках. Подошел к офицеру и спросил по-немецки, можно ли мне, человеку без автомобиля, не шоферу и не пассажиру, перейти границу. Офицер усмехнулся, козырнул и объяснил на ломаном немецком, что нет, без машины нельзя, что я должен найти добрых людей, которые возьмут меня с собой. До меня наконец дошло, что мне надо было делать с самого начала. Я поблагодарил поляка, подхватил свою сумочку и пошел упрямо как спартанец вдоль автомобильной очереди прямо к пропускному пункту. Шел минут сорок пять, качаясь от усталости, промочил ноги, но цели достиг и, после четырех неудачных попыток влезть к кому-то в машину или в автобус, нашел таки русскоязычную супружескую пару из Эстонии, готовую потерпеть меня на заднем сидении их жигулей во время паспортной и таможенной проверки и даже довести меня впоследствии до Каунаса за пятьдесят «западногерманских марок». Деньги они попросили вперед...

Я сидел в эстонских жигулях и ликовал.

Представлял себе, как с триумфом прибываю на Белорусский вокзал, рассказываю, слегка приукрашивая правду, о моей новой немецкой жизни сестре и матери, дарю им сладости, крем и колготки, посещаю Врубеля и Рублева в Третьяковке, пью с друзьями холодную водку, ем ржаной хлеб, звоню по заветному телефону...

Вот и КПП.

Машину нашу польские пограничники не обыскивали, выходить не просили, полистали небрежно паспорта, поставили в них свои отметки и открыли шлагбаум.

Через полминуты мы подъехали к литовскому пограничному пункту.

У меня часто забилось сердце.

К нам подошли пограничники и попросили всех выйти из машины и пройти в здание. С вещами! Там нас разлучили. Эстонцев быстро увели куда-то, а меня провели в комнату без окон на втором этаже и оставили одного. Все это произошло на удивление быстро. Литовских пограничников я и рассмотреть не успел.

В комнате я ожидал увидеть что-то вроде бюро или таможи гордого балтийского государства. Полированный письменный стол с национальными сувенирами, за ним старинное кресло, на стене – большой флаг Литовской республики и портрет Витаутаса Ландсбергиса...

Вместо всего этого вокруг меня валялось какое-то старое барахло, мебели не было, только два замызганных стула стояли как нефтяные платформы в океане пыли. Я присел на один из них. Тусклая лампочка без абажура едва освещала висящий передо мной на стене выцветший советский плакат с изображением теплохода «Космонавт Владислав Волков». Я начал мучительно вспоминать, что это был за космонавт. Загадал: Если с ним все было хорошо, то и со мной все будет в порядке, а если плохо... Вспомнил. Добровольский, Волков, Пацаев... Разгерметизация спускаемого аппарата... Прах похоронен в Кремлевской стене. Минут через двадцать я услышал шаги на лестнице. В комнату быстро вошли несколько пограничников в зеленых фуражках. Меня как холодным душем обдало – это не литовцы!

Зеленые фуражки – у погранвойск КГБ СССР.

А как же «независимость Литвы»? Как быть с ее признанием «новой Россией»?

Куда смотрит «мировое сообщество»? ООН?

Сейчас мне гбня устроит разгерметизацию!

Маленький коренастый майор поставил второй стул передо мной, уселся на него и уставился на меня как упырь на невинную девушку. Он был похож на императора Павла. Курносый, дебильный, только глаза не грустные, а пустые. Но с упряминкой, величиной с быка.

Мне мучительно захотелось плюнуть ему в рожу, даже рот наполнился слюной.

Майор процедил: Ваше имя. Документы. Цель посещения СССР.

СССР?

У меня дыхание перехватило. Какой такой СССР? Я хочу в Литву!

Показать немецкий паспорт? Или советский внутренний? На каком языке говорить?

Напряг мускулы спины, сморщил губы. Изобразил как смог спокойствие и безразличие. Сглотнул слюну. Заметил, что мои гримасы не прошли незамеченными для майора. Медленно, с достоинством достал немецкий паспорт.

Назвал себя по-немецки и спросил: В чем проблема? Вот литовская виза...

Майор полистал паспорт и рассмеялся не без сарказма. Не так, конечно, как смеялись сталинские следаки, сажая дочь врага народа в ванну с кислотой, а его самого – в шкаф с клопами, а так, как рассмеялся бы император Павел, если бы ему во время завтрака объявили, что зять Суворова ударит его сегодня ночью в спальне золотой табакеркой в висок...

Потом обернулся к своим и сказал негромко: Антонов, фриц, кажись, пересрал не по-детски. Обыщи его и посмотри, что у него в сумке. Если ничего запрещенного нет, отведи его назад к полякам. С этим паспортом мы его не пропустим, пусть он хоть себе на хуй десять виз наклеит. Остальные – за мной! Чухонцев шмонать. Чует мое сердце, что-то они спрятали, суки...

Проговорив это, майор вернул мне паспорт и спешно удалился. Ему тотчас последовали и другие, все, кроме Антонова, сутулого парня с деревянным лицом, напомнившего мне знакомого повара в студенческой столовой МГУ, разливавшего суп в плохо вымытые тарелки огромным щербатым алюминиевым

половником и приговаривавшего сквозь зубы: Не хотите ли баланды из картофельных очисток, Тараканы Таракановичи? Я туда только что высморкался. Приятного аппетита!

Антонов небрежно обыскал меня, раскрыл сумку. Хищно все осмотрел и прощупал. Из десяти шоколадок отложил в сторону восемь, из пяти банок кофе, поколебавшись, отложил четыре... Потом сделал коротенькую паузу, посмотрел на меня, прищурясь, как на заусенец на мизинце, и, убедившись, что я не оказываю никакого сопротивления грабежу, уверенно и спокойно забрал мой крем, печенье, орехи и колготки, сложил все это в целлофановый пакет и сунул его куда-то. Вернул мне сильно полегчавшую сумку, решительно взял меня своей клешней под руку и повел к выходу.

У меня на душе отлегло. ОНИ тут не убийцы, только воры.

Антонов повел меня к польскому пограничному пункту. По дороге сипел: Что, пересрал? Отпустил тебя майор, потому что ему с тобой возиться неохота. А надо было бы тебя отпиздить в мясорубке. Живи, гондон, в загране, жри свой шоколад, который наши дети не видят, а к нам больше не ездей, пидор ты резиновый...

Метров за двадцать от польского КПП я не выдержал и выпалил по-русски: А где же литовские пограничники? Россия же признала независимость Литвы! Я буду жаловаться в немецкий МИД!

Антонов ослабился и смачно плюнул в сторону Польши.

– Жаловаться побежишь, пидор? В сраку еби свою независимость! И уебывай, блядь, пока мы хорошие.

Попытался дать мне пинка в зад огромным грязным сапогом, но я увернулся и ретировался к полякам. А Антонов быстро зашагал назад, к своим.

Польские пограничники меня увидели и не удивились. Переглянулись, пошушукались, попрыскали в кулаки. Но мучить не стали, пропустили.

Я лениво побрел вдоль автомобильной очереди.

Нашел через час где-то в ее конце моего белобрысого украинца. Тот отчаянно торговался с какой-то русской бабой, хотел купить у нее кольцо с бриллиантом. Та просила восемьдесят марок, он давал тридцать. Мне пришлось минут десять ждать, пока улягутся страсти. Наконец, баба все-таки отдала кольцо за сорок, и

шофер повез меня в Сувалки, на вокзал. Опять уговаривал поехать с ним по деревням. Убеждал: Не расстраивайся, тебе тут за немецкие бабки любая баба даст, хоть старая, хоть молодая. Я тут такуую знаю... Ураган... Татарочка. Не привлекает? А хочешь застенчивую русскую лебедушку? Двенадцатилетнюю? Все желания исполнит, послушная девочка. С косичками.

Мне было не до косичек...

Поезд на Белосток отходил полшестого утра. Вокзал был закрыт. Я сел на грязную лавку на перроне. Дул холодный сырой октябрьский ветер. Казалось, что он срывает с неба ошметки облаков и бьет ими меня как мокрыми тряпками по щекам...